

1001 ночь.

Рассказ о Хасибе и царице змей

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 483-491](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 492-500](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 501-509](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 510-518](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 519-527](#)

[Рассказ о Хасибе и царице змей, ночи 528-536](#)

Пятьсот десятая ночь

Когда же настала пятьсот десятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда шейх Наср увидел, что Джаншах лежит под деревом, он принес благоухающих вод и обрызгал ими лицо Джаншаха, и тот очнулся от обморока и стал осматриваться направо и налево, но не увидел подле себя никого, кроме шейха Насра. И увеличились тогда его печали, и он произнес такие стихи:

"Явилась она, как полный месяц в ночь радости,

И члены нежны ее, и строен и гибок стан.

Зрачками прелестными пленяет людей она,

И алость уст розовых напомнит о яхонте,

И темные волосы на бедра спускаются,

Смотри берегись же змей волос ее вьющихся!

И нежны бока ее, душа же ее жестка,

С возлюбленным крепче скал она твердокаменных.

И стрелы очей она пускает из-под ресниц,

И бьет безошибочно, хоть издали бьет она.

О, право, краса ее превыше всех прелестей,

И ей среди всех людей не будет соперницы".

И, услышав от Джаншаха такие стихи, шейх Наср молвил: "О дитя мое, не говорил ли я тебе: "Не открывай этой комнаты и не входи в нее?" Но расскажи, о дитя мое, что ты в ней видел, и поведай мне твою повесть, и сообщи мне о том, что с тобой случилось". И Джаншах рассказал ему свою историю и поведал ему о том, что случилось у него с тремя девушками, когда он тут сидел. И, услышав его слова, шейх Наср сказал ему: "О дитя мое, знай, что эти девушки – дочери джиннов, и каждый год они приходят в это место и играют и развлекаются до послеполуденного времени, а затем они улетают в свою страну". – "А где их страна?" – опросил Джаншах. И Наср ответил: "Клянусь Аллахом, о дитя мое, я не знаю, где их страна!"

Потом шейх Наср сказал Джаншаху: "Пойдем со мной и бодрись, чтобы я мог отослать тебя в твою страну с птицами, и оставь эту любовь". Но, услышав слова шейха, Джаншах испустил великий крик и упал, покрытый беспомощностью, а очнувшись, он воскликнул: "О родитель мой, я не хочу уезжать в мою страну, пока не встречу с этими девушками. И знай, о мой родитель, что я не стану больше вспоминать о моей семье, хотя бы я умер перед тобой!" И он заплакал и воскликнул: "Согласен! видеть лицо тех, кого я люблю, хотя бы один раз в год!" И затем он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

"О, если бы призрак их к влюбленным не прилетал,

О, если бы эту страсть Аллах не создал для нас

Когда жара бы не было в душе, если вспомню вас,

То слезы бы по щекам обильные не лились.

Я сердце учу терпеть и днями, и в час ночной,

И тело мое теперь сгорело в огне любви".

И потом Джаншах упал к ногам шейха Насра и стал целовать их и плакать сильным плачем и оказал ему: "Пожалей меня – пожалейте меня Аллах, и помогите мне в моей беде". – "Аллах тебе поможет! О дитя мое, – сказал ему шейх Наср, – клянусь Аллахом, я не знаю этих девушек и не ведаю, где их страна. Но если ты увлекся одной из них, о дитя мое, проживи у меня до такого же времени в следующем году, так как они прилетят в будущем году в такой же день. И когда приблизятся те дни, в которые они прилетают, сядь, спрятавшись в саду под деревом. И когда девушки войдут в бассейн и начнут там плавать и играть и отдалятся от своих одежд, возьми одежду той из них, которую ты желаешь. Когда девушки увидят тебя, они выйдут на сушу, чтобы надеть свою одежду, и та, чью одежду ты взял, окажет тебе мягкими словами с прекрасной улыбкой: "Отдай мне, о брат мой, мою одежду, чтобы я ее надела и прикрылась ею". Но если ты послушаешься ее слов и отдашь ей одежду, ты никогда не достигнешь у нее желаемого: она ее наденет и уйдет к своим родным, и ты никогда не увидишь ее после этого. Когда ты захватишь одежду девушки, береги ее и положи ее под мышку и не отдавай ее девушке, пока я не возвращусь после встречи с птицами.

Я помирю тебя с ней и отошлю тебя в твою страну, и девушка будет с тобою. Вот что я могу, о дитя мое, и ничего больше..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала пятьсот одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх говорил Джаншаху: "Береги одежду той, которую ты желаешь, и не отдавай ее девушке, пока я к тебе не вернусь после встречи с птицами. Вот что я могу, о дитя мое, и ничего больше". И когда Джаншах услышал слова шейха Насра, его сердце успокоилось, и он прожил у него до следующего года и считал

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

проходившие дни, после которых прилетят птицы. И когда наступил срок прилета птиц, шейх Наср подошел к Джаншаху и сказал ому: "Поступай по наставлению, которое я тебе дал, в отношении одежды девушек; я ухажу встречать птиц". – "Слушаю и повинуюсь твоему приказанию, о родитель мой!" – ответил Джаншах. И затем шейх Наср ушел встречать птиц. А после его ухода Джаншах поднялся и шел, пока не вошел в сад, и спрятался под деревом, так что никто его не видел.

И он просидел первый день и второй день и третий день, и девушки не прилетали, и Джаншах начал тревожиться, плакать и испускать стоны, исходящие из печального сердца, и плакал до тех пор, пока не потерял сознания. А через некоторое время он очнулся и стал смотреть то на небо, то на землю, то на бассейн, то на равнину, и сердце его дрожало от сильной страсти. И когда он был в таком состоянии, вдруг приблизились к нему по воздуху три птицы в образе голубей (но только каждый голубь был величиной с орда), и они опустились около бассейна и посмотрели направо и налево, но не увидели ни одного человека или джинна.

И тогда они вняли одежде и, войдя в бассейн, стали играть, смеяться и развлекаться, и были одинаковые, подобные слиткам серебра. И старшая из них сказала: "Я боюсь, о сестры, что кто-нибудь спрятался из-за нас в этом дворце". Но средняя молвила: "О сестра, в этот дворец со времени Сулеймана не входил ни человек, ни дживы". А младшая воскликнула, смеясь: "Клянусь Аллахом, сестрицы, если кто-нибудь здесь спрятан, то он возьмет только меня!" И затем они стали играть и смеяться, а сердце Джаншаха дрожало от чрезмерной страсти. И он сидел, спрятавшись под деревом, и смотрел на девушек, а те его не видели. И девушки поплыли по воле и доплыли до середины бассейна, удалившись от своих одежд, и тогда Джаншах поднялся на ноги и помчался, как поражающая молния, и взял одежду младшей девушки, а это была та, к которой привязалось его сердце, и звали ее Шамса.

И девушки обернулись и увидели Джаншаха, и задрожали их сердца, и они закрылись от юноши водой и, подойдя близко к берегу, стали смотреть на Джаншаха и увидели, что он подобен луне в ночь ее полноты. "Кто ты и как ты пришел в это место и взял одежду Ситт Шамсы?" – спросили они его. И Джаншах сказал: "Подойдите ко мне, и я расскажу вам, что со мной случилось". – "Какова твоя повесть, зачем ты взял мою одежду и как ты узнал меня среди моих сестер?" – спросила его Ситт Шамса. И Джаншах молвил: "О свет моего глаза, выйди из воды, и я поведаю тебе мою историю и расскажу тебе, что со мной случилось, и осведомлю тебя, почему я тебя знаю". – "О господин мой, прохлада моего глаза и плод моего сердца, – оказала она ему, – дай мне мою одежду, чтобы я могла ее надеть и прикрыться ею, и я к тебе выйду". – "О владычица красавиц, – отвечал ей Джаншах, – мне невозможно отдать тебе одежду и убить себя от страсти. Я отдам тебе одежду, только когда придет шейх Наср, царь птиц".

И, услышав слова Джаншаха, Шамса оказала ему: "Если ты не отдашь мне мою одежду, отойди немного, чтобы мои сестры могли выйти на землю и наметь свои одежды и дать мне что-нибудь, чем прикрыться". – "Слушаю и повинуюсь!" – оказал Джаншах. И затем он ушел от них и вошел во дворец, а Ситт Шамса с сестрами вышла на сушу, и они надели свои одежды. А затем старшая сестра Ситт Шамсы дала ей одежду из своих одежд, в которой Ситт Шамса не могла летать, и одела ее в эту одежду. И Ситт Шамса поднялась, подобная восходящей луне и резвящейся газели, и шла до тех пор, пока не пришла к Джаншаху. Она нашла его сидящим на ложе и приветствовала его и, сев близ него, сказала: "О прекрасный лицом, это ты убил меня и убил себя самого! Но расскажи мне, что с тобою случилось, чтобы мы посмотрели, какова твоя повесть".

И, услышав слова Ситт Шамсы, Джаншах так заплакал, что обмочил слезами свою одежду. И когда Ситт Шамса поняла, что он охвачен любовью к ней, она поднялась на ноги и взяла Джаншаха за руку и, посадив его с собою рядом, вытерла ему слезы своим рукавом и сказала: "О прекрасный лицом, оставь этот плач и расскажи мне, что с тобою случилось". И Джаншах рассказал девушке, что с ним случилось, и что он видел..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двенадцатая ночь

Когда же настала пятьсот двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ситт Шамса сказала Джаншаху: "Расскажи мне, что с тобой случилось". И Джаншах рассказал ей обо всем, что с ним случилось. И, услышав его слова, Ситт Шамса вздохнула и сказала: "О господин, если ты в меня влюблен, отдай мне мою одежду: я надену ее и полечу с сестрами к моим родным и расскажу им, что с тобой случилось из-за любви ко мне, затем я к тебе возвращусь и доставлю тебя в твою страну". И когда Джаншах услышал от девушки эти слова, он заплакал горьким плачем и воскликнул: "Дозволено ли тебе Аллахом несправедливо убить меня?" – "О господин, почему я несправедливо убью тебя?" – спросила девушка. И Джаншах отвечал: "Потому что, когда ты наденешь свою одежду и улетишь от меня, я тотчас же умру".

И, услышав его слова, Ситт Шамса засмеялась, и ее сестры тоже засмеялись, а затем она сказала ему: "Успокой свою душу и прохладид глаза! Я непременно выйду за тебя замуж!" И она нагнулась к Джаншаху и, обняв его, прижала его к груди и поцеловала между глаз и в щеку, и они простояли, обнявшись, некоторое время, а затем отошли друг от друга и сели на то же ложе. И старшая сестра Ситт Шамсы вышла из дворца в сад и, взяв плодов и цветов, принесла их им, и они стали есть, пить, наслаждаться, веселиться, смеяться и играть. А Джаншах был на редкость красив и прелестен, и прям, и строен стадом. И Ситт Шамса оказала ему: "О мой любимый, клянусь Аллахом, я люблю тебя великой любовью и никогда с тобой не расстанусь". И когда Джаншах услышал ее слова, его грудь расправилась и губы улыбнулись. И они продолжали смеяться и играть и веселились и развлекались.

И вдруг пришел шейх Наср после встречи с птицами, и, когда он подошел к ним, все поднялись перед ним на ноги и приветствовали его и поцеловали ему руки. И шейх Наср сказал девушкам: "Добро пожаловать! – и молвил: Садитесь!" И они сели. И тогда шейх Наср сказал Ситт Шамсе: "Поистине, этот юноша любит тебя великой любовью! Ради Аллаха, заботься же о нем; он из знатнейших людей и царский сын, и его отец правит землею Кабуль и приобрел великую власть".

И, услышав слова шейха Насра, Ситт Шамса ответила: "Слушаю и повинуюсь твоему приказу!" – а затем она поцеловала шейху Наору руки и стала перед ним, и Шейх Наср сказал: "Если ты правдива в твоих словах, поклянись мне Аллахом, что ты не обманешь его, пока останешься в оковах жизни". И Ситт Шамса дала ему великую клятву, что никогда не обманет Джаншаха и обязательно выйдет за него замуж, и, дав клятву, сказала: "Знай, о шейх Наср, что я никогда с ним не расстанусь". И когда Ситт Шамса поклялась шейху Насру, он поверял ее клятве и оказал Джаншаху: "Слава Аллаху, который привел ее и тебя к согласию!" И Джаншах сильно обрадовался этому. И потом Джаншах и Ситт Шамса прожили у шейха Насра три месяца, проводя время в еде, питье, играх и смехе..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тринадцатая ночь

Когда же настала пятьсот тринадцатая ночь она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаншах и Ситт Шамса прожили у шейха Насра три месяца, проводя время в еде, питье, играх и великом веселье, а через три месяца Ситт Шамса сказала Джаншаху: "Я хочу, чтобы мы отправились в твою страну, ты на мне женишься, и мы там останемся". – "Слушаю и повинуюсь!" – сказал Джаншах. И затем он посоветовался с шейхом Насром и оказал ему: "Мы хотим отправиться в мою страну". И он рассказал ему о том, что говорила Ситт Шамса, и шейх Наср сказал ему: "Отправляйтесь в твою страну, и заботься о девушке". – "Слушаю и повинуюсь!" – отвечал Джаншах. А потом девушка попросила свою одежду и сказала: "О шейх Наср, прикажи ему дать мне мою одежду, чтобы я могла ее надеть!" И шейх Наср сказал Джаншаху: "О Джаншах, отдай ее одежду!" И Джаншах отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И он поспешно поднялся и вошел во дворец и, принеся одежду Ситт Шамсы, отдал ее девушке. И та взяла от него одежду и надела ее и сказала: "О Джаншах, садись мне на спину, закрой глаза и заткни уши, чтобы не слышать гуденья вращающегося небосвода. Схватись рудсами за мою одежду из перьев, сидя у меня на спине, и берегись упасть". И, услышав ее слова, Джаншах сел ей на спину. И, когда она собралась лететь, шейх Наср сказал ей: "Постой, пока я опишу тебе страну Кабуль: я боюсь, что вы ошибетесь дорогой". И девушка стояла, пока шейх Наср не описал ей страну Кабуль, и он поручил ей заботиться о Джаншахе, а затем простился с ними, и Ситт Шамса простилась со своими двумя сестрами и оказала им: "Отправляйтесь к нашим родным и осведомьте их о том, что случилось у меня с Джаншахом".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И потом она взлетела, в тот же час и минуту, и помчалась по воздуху, точно дуновение ветра или блистающая молния. И после этого ее сестры полетели и отправились к своим родным и осведомили их о том, что случилось у Ситт Шамсы с Джаншахом. И с той минуты, как Ситт Шамса взлетела, она летела не переставая от зари до послеполуденного времени, и Джаншах сидел у нее на спине. А после полудня показалась вдалеке долина с деревьями и каналами, и девушка оказала Джаншаху: "Я хочу опуститься в эту долину на сегодняшнюю ночь, и мы посмотрим, какие есть там деревья и растения". – "Делай что хочешь", – ответил Джаншах.

И девушка спустилась по воздуху и села в этой долине, и Джаншах сошел с ее спины и поцеловал ее меж глаз. И они посидели у одного из каналов некоторое время. А потом поднялись на ноги и стали ходить по долине, смотря на то, что там есть, и вкушая плоды, и гуляли до тех пор, пока не наступил вечер. И тогда они подошли к дереву и проспали возле него до утра, а утром Ситт Шамса поднялась и велела Джаншаху сесть к ней на спину, и Джаншах сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И он сел девушке на спину, я она в тот же час и минуту взлетела с ним и летела не переставая от утра до полудня.

И они летели и вдруг увидели знают, о которых рассказывал им шейх Наср. И, увидав эти знаки, Ситт Шамса спустилась с вышины по воздуху на широкий луг с прекрасной растительностью, и были там резвющиеся газели, полноводные потоки и спелые плоды и широкие каналы. И когда девушка спустилась на этот луг, Джаншах сошел с ее спины и поцеловал ее между глаз, а она сказала ему: "О любимый и прохлада моих глаз, знаешь ли ты, какое расстояние мы пролетели?" – "Нет", – ответил Джаншах. И девушка молвила: "Расстояние в тридцать месяцев пути". – "Слава Аллаху за благополучие!" – воскликнул Джаншах. И затем он сел, и девушка села с ним рядом, и они сидели за едой и питьем и играли и смеялись.

И когда они были заняты этим делом, вдруг подошли к ним двое мамлюков; один из них был тот, что остался у коней, когда Джаншах сел в рыбачью лодку, а другой был из тех мамлюков, которые были с Джаншахом на охоте и ловле. И, увидев Джаншаха, они узнали его и поздоровались с ним и сказали: "С твоего позволения, мы пойдем к твоему отцу и сообщим ему радостную весть о твоём прибытии". – "Идите к отцу и осведомите его об этом да привезите нам палатки, – сказал Джаншах. – Мы пробудем в этом месте семь дней, чтобы отдохнуть, пока шествие не выйдет к нам навстречу, и тогда мы войдем в город в великолепном шествии..."

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот четырнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот тринадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаншах сказал мамлюкам: "Пойдите к моему отцу и осведомите его обо мне и привезите нам палатки: мы пробудем в этом месте семь дней, чтобы отдохнуть, пока шествие не выйдет нам навстречу, и тогда мы войдем в город в великолепном шествии". И мамлюки сели на коней и поехали к отцу Джаншаха и сказали: "Радостная весть, о царь времени!" И когда царь Тайгамус услышал слова мамлюков, он спросил их: "Чем вы меня обрадуете? Разве прибыл мой сын Джаншах?" – "Да, – отвечали мамлюки, – твой сын Джаншах пришел после отсутствия, и он близко от тебя, на лугу аль-Каррани".

И, услышав слова мамлюков, царь обрадовался сильной радостью и упал без памяти на землю, так сильно он был обрадован; а очнувшись, он приказал своему везиру наградить каждого из мамлюков роскошной одеждой и дать всякому из них большое количество денет. И везир отвечал ему: "Слушаю и повинуюсь!" – а затем он тотчас же поднялся и дал мамлюкам то, что велел царь, и сказал: "Возьмите эти деньги в воздаяние за радостную весть, которую вы принесли, все равно, солгали вы или сказали правду". – "Мы не лжецы, – отвечали мамлюки. – Мы сейчас с ним сидели и приветствовали его и целовала ему руки, и он велел привезти палатки. Он пробудет на лугу аль-Каррани семь дней, пока везир, эмиры и знатные люди царства не выедут его встречать". – "А как поживает мой сын?" – опросил их царь. И они ответили: "С твоим сыном гурия, которую он как будто вывел из рая".

И, услышав эти слова, царь велел бить в литавры и трубить в трубы, и забили о радости. И царь Тайгамус разослал вестников по городу во все стороны, чтобы они порадовали мать Джаншаха и жен эмиров, везирей и знатных людей в царстве. И вестники рассыпались по городу и осведомили его обитателей о прибытии Джаншаха. А царь Тайгамус собрался со своими воинами и солдатами и отправился на луг аль-Каррани.

И когда Джаншах сидел рядом с Ситт Шамсой, вдруг подошли к ним войска, и Джаншах поднялся на ноги и шел, пока не приблизился к ним. И, увидев Джаншаха, воины узнали его и, сойдя с коней, пошли пешком и приветствовали Джаншаха и поцеловали ему руки. И Джаншах шел, предшествуемый воинами, пока не дошел до своего отца; и когда царь Тайгамус увидел своего сына, од бросился со спиты коня и заключил Джаншаха в объятия и заплакал сильным плачем.

А затем он сел на коня, и его сын тоже сел, и воины пошли справа и слева, и они шли до тех пор, пока не пришли к берегу канала. И воины и солдаты спешили и поставили палатки, шатры и знамена и забили в барабаны и засвистели в флейты и ударили в литавры; и заревели трубы. А затем царь Тайгамус приказал постельничим принести палатку из красного шелка и поставить ее для Ситт Шамсы, и они сделали так, как он приказал. И тогда Ситт Шамса поднялась и, сняв свою одежду из перьев, пошла и дошла до этой палатки и села в ней. И когда она сидела, вдруг пришел к ней царь Тайгамус, подле которого был его сын Джаншах. И, увидав царя Тайгамуса, Ситт Шамса поднялась на ноги и поцеловала землю меж рук царя. И царь сел и посадил своего сына Джаншаха справа, а Ситт Шамсу – слева от себя и сказал Ситт Шамсе: "Добро пожаловать!" И он спросил своего сына Джаншаха и молвил: "Расскажи мне, что случилось с тобою во время этой отлучки". И Джаншах рассказал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца. И, услышав слова своего сына, царь удивился великим удивлением и, обернувшись к Ситт Шамсе, воскликнул: "Слава Аллаху, который дал тебе поддержку, и ты свела меня с моим сыном! Поистине, это и есть милость великая!.."

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот пятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Тайгамус сказал Ситт Шамсе: "Слава Аллаху, который дал тебе поддержку, и ты свела меня с моим сыном! Поистине, это и есть милость великая! Но я хочу от тебя, чтобы ты попросила у меня чего желаешь, и я это сделаю из уважения к тебе". – "Я прошу тебя построить дворец посреди сада, и чтобы под ним текла вода", – сказала Ситт Шамса. И царь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И когда они разговаривали, вдруг подошла мать Джаншаха, и с нею были все жены эмиров, везирей и знатных людей в городе. А когда увидел ее Джаншах, сын ее, он вышел из палатки и встретил свою мать, и они постояли обнявшись некоторое время, а затем мать Джаншаха от крайней радости пролила из глаз слезы и произнесла такие два стиха:

"Налетела радость, и так сильна была она,

Что от силы счастья меня повергла в слезы.

О глаза мои, стали слезы вам привычными,

Вы плачете от счастья и от горя",

И они стали друг другу жаловаться на то, что перенесли, будучи в отдалении и мучаясь тоской, а затем родитель Джаншаха прошел в свою палатку, а Джаншах с матерью прошли в свою палатку. И они сидели и беседовали друг с другом, и когда они сидели, вдруг пришли вестники о прибытии Ситт Шамсы, и они сказали матери Джаншаха: "Шамса идет к тебе, и она шествует пешком и хочет тебя приветствовать". И, услышав это, мать Джаншаха поднялась на ноги и встретила Ситт Шамсу и приветствовала ее, и они посидели некоторое время. А потом мать Джаншаха с Ситт Шамсой поднялись и пошли вместе с женами везирей и вельмож царства, и шли до тех

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

пор, пока не дошли до палатки Ситт Шамсы, и тогда они вошли в палатку и посидели там. А царь Тайгамус роздал обильные подарки и оказал милость подданным, и он радовался своему сыну великою радостью.

И они пробыли в этом месте десять дней, проводя время за едой и питьем, в приятнейшей жизни, а после этого царь велел своим воинам уезжать и отправляться в город. И царь сел на коня, и воины и солдаты тоже сели, окружая его, и везири и царедворцы ехали справа и слева, и они ехали до тех пор, пока не вступили в город. И мать Джаншаха с Ситт Шамсой отправились в свои жилища, и город украсили наилучшим образом, и стали бить в тарелки и литавры, и в городе навешали украшений и тканей, и под копыта коней постлали роскошную парчу. И обрадовались вельможи царства и вынули все свои редкости, так что у смотрящих захватило дыхание, и накормили нищих и бедняков и устроили великое празднество, которое продолжалось десять дней. И Ситт Шамса, увидав это, обрадовалась великою радостью.

А потом царь Тайгамус прислал строителей и зодчих и сведущих людей и приказал им построить дворец в том саду, и они ответили ему вниманием и начали убирать этот дворец и завершили его наилучшим образом. И когда Джаншах узнал, что вышел приказ строить дворец, он велел строителям принести столб из белого мрамора и просверлить его и выдолбить, и придать ему вид сундука. И они это сделали, и тогда Джаншах взял одежду Ситт Шамсы, в которой она летала, и положил ее в этот столб, а столб зарыл в фундамент дворца и велел строителям построить на них оводы, на которых стоял дворец.

И когда дворец был окончен, его устлали коврами, и это оказался великолепный дворец посреди сада, и каналы бежали под ним. А царь Тайгамус устроил в это время свадьбу Джаншаха, и вышел большой праздник, которому не было подобных. И Ситт Шамсу привели в этот дворец, и все присутствовавшие ушли своей дорогой, и когда Ситт Шамса вошла в этот дворец, она почувствовала запах своей одежды и перьев..."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот шестнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ситт Шамса вошла в этот дворец, она почувствовала запах своей одежды из перьев, в которой она летала, и узнала, в каком месте она находится. И она захотела ее взять и, дождавшись полуночи, когда Джаншах погрузился в сон, поднялась и пошла к столбу, на котором покоились своды, и стала копать рядом с ним. И она проникла к столбу, на котором находилась одежда, и, удалив свинец, который был на нем налит, вынула одежду и надела ее и тотчас же полетела. Она села на верхушку дворца и сказала его обитателям: "Я хочу, чтобы вы привели ко мне Джаншаха и я бы простилась с ним".

И Джаншаху рассказали об этом, и он пошел к Ситт Шамсе и увидел, что она сидит на крыше дворца, одетая в свою одежду из перьев. "Как ты совершила такое дело?" – спросил он. И Ситт Шамса сказала: "О мой любимый, прохлада моего глаза и плод моего сердца, клянусь Аллахом, я люблю тебя великою любовью, и я очень радовалась, когда привела тебя в свою землю и страну и увидела твоего отца и твою мать. Если ты любишь меня, как я тебя люблю, приходи ко мне в Такии, крепость драгоценностей".

И затем, в тот же час и минуту, она взлетела и отправилась к своим родным, а Джаншах, услышав слова Ситт Шамсы, сидевшей на крыше дворца, едва не умер от горя и упал без памяти. И пошли к его отцу и осведомили его об этом, и отец его сел на коня и поехал во дворец и вошел к своему сыну и увидел, что тот лежит на земле. И царь Тайгамус заплакал и понял, что его сын охвачен любовью к Ситт Шамсе. Он побрызгал ему на лицо розовой водой, и Джаншах очнулся и увидел рядом с собою своего отца. И он заплакал из-за разлуки со своей женой, и отец опросил его: "Что с тобою случилось, дитя мое?" И Джаншах ответил: "Знай, о батюшка, что Ситт Шамса – дочь джиннов, и я люблю ее и увлечен ею и влюбился в ее красоту. А у меня была ее одежда, без которой она не может летать, и я взял ее и спрятал в столбе, имевшем вид сундука, и залил его свинцом и вложил в фундамент дворца. И она подрывала фундамент и взяла одежду и надела ее и полетела, а потом она села на крышу дворца и сказала мне: "Я люблю тебя, и я тебя привела в твою землю и страну, и ты встретился с твоим отцом и матерью. Если ты меня любишь, приходи ко мне в Такии, крепость драгоценностей". А затем она улетела с крыши дворца и отправилась своей дорогой". – "О дитя мое, – сказал царь Тайгамус, – не обременяй себя заботой. Мы соберем людей торговли и путешествующих по странам и спросим их об этой крепости и, когда узнаем, отправимся туда и пойдем к родным Ситт Шамсы и попросим Аллаха великого, чтобы они ее тебе отдали, и ты на ней женишься".

И затем царь в тот же час и минуту вышел и, призвав своих четырех везирей, оказал им: "Соберите всех, кто есть в городе из купцов и путешественников, и спросите их про Такии, крепость драгоценностей, и всякому, кто ее знает и укажет к ней путь, я дам пятьдесят тысяч динаров". И, услышав эти слова, везири ответили: "Слушаем и повинемся!" – а затем, в тот же час и минуту, они ушли и сделали так, как приказал царь. И они стали спрашивать купцов, путешествующих по странам, про Тадони, крепость драгоценностей, во никто про нее им не рассказал, и они пришли к царю и сообщили ему об этом. И, услышав их слова, царь тотчас же, в ту же минуту, поднялся и велел привести к своему сыну Джаншаху прекрасных невольниц и девушек, владеющих инструментами, и наложниц, увеселяющих тем, чему нет подобного нигде, кроме как у царей, надеясь, что, может быть, он забудет о любви к Ситт Шамсе, и ему привели тех, кого он потребовал.

А после этого царь послал разведчиков и соглядатаев во все стороны, острова и климаты, чтобы те расспросили о Такии, крепости драгоценностей, и посланные расспрашивали о ней два месяца. Но никто не рассказал им про нее, и они вернулись и осведомили царя об этом. И царь заплакал сильным плачем и пошел к своему сыну и увидел Джаншаха среди наложниц и невольниц и обладательниц музыкальных инструментов (арфы, сантира и других), но он не забывал с ними Ситт Шамсы. "О дитя мое, – сказал ему царь, – я не нашел никого, кто знает эту крепость, но я привел к тебе девушек красивее Ситт Шамсы". И, услышав такие слова от своего отца, Джаншах заплакал и пролил из глаз слезы и произнес такие два стиха:

"Терпенье ушло мое, а страсть остается,

И телом недужен я от страсти великой,

Когда же сведут меня дни долгие с Шамсою?

Ведь кости моя в огне разлуки истлели",

А у царя Тайгамуса была великая вражда с царем Индии; когда-то царь Тайгамус выступил против него и перебил его людей и похитил его богатства; и звали царя Индии – царь Кафид. И были у него воины, солдаты и витязи, а также была у него тысяча, богатырей, каждый из которых управлял тысячей племен, и в каждом племени из этих племен находилось четыре тысячи всадников. И было у него четыре везири, и пребывали под его властью цари, вельможи, эмиры и многочисленные войска. Он властвовал над тысячей городов, в каждом из которых была тысяча крепостей, и был великим царем, сильным яростью, и его войска наполняли всю землю.

И когда узнал царь Кафид, царь Индии, что царь Тайгамус занят любовью своего сына и пренебрег правлением и властью и мало стало у него войск и сделался он огорчен и озабочен, так как его мысли были заняты любовью его сына, он собрал везирей, эмиров и вельмож царства и сказал им: "Разве вы не знаете, что царь Тайгамус напал на наши земли и убил моего отца и моих братьев и ограбил наши сокровища, и среди вас нет никого, у кого он не убил близкого человека, не отнял богатства, не ограбил достатка или не взял в плен жен. Я сегодня услышал, что его мысли заняты любовью его сына Джаншаха и мало стало у него войск; настало для нас время отомстить ему. Снаряжайтесь же, чтобы к нему направиться, и готовьте военные доспехи, чтобы на него напасть. Не относитесь пренебрежительно к этому делу, нет, мы пойдем к нему и нападём на него и убьем его и его сына и овладеем его страной..."

И Шахразату застигло утро, и ода прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семнадцатая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала пятьсот семнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Кафид, царь Индии, приказал своим воинам и солдатам выезжать на конях в страны царя Тайгамуса и сказал им: "Снаряжайтесь же, чтобы к нему отправиться, и готовьте военные доспехи, чтоб на него напасть. Не относитесь пренебрежительно к этому делу. Мы пойдём к нему и нападём на него и убьём его и его сына и овладеём его страдой". Услышав от него эти слова, воины ответили: "Слушаем и повинемся!" – и каждый из них стал готовить себе снаряженье. И они готовили доспехи и оружие и собирали войска в течение трех месяцев, и когда воины, солдаты и витязи собрались полностью, забили в литавры и задули в трубы и поставили знамена и флаги, а потом царь Кафид вышел с воинами и солдатами и шел до тех пор, пока не достиг окраин страны Кабуль (а это была страна царя Тайгамуса)" И когда достигли этой земли, ее разграбили и учинили разврат с подданными и перерезали больших и взяли в плен малых.

И дошла весть об этом до царя Тайгамуса, и, услышав такую весть, он разгневался сильным гневом и собрал вельмож своего правления и везирей и эмиров своего царства и сказал им: "Знайте, что Кафид пришел в наши земли и вступил в нашу страну и хочет сразиться с нами, и с ним солдаты, богатыри и ванны, число которых знает только Аллах великий. Каково ваше мнение?" – "О царь времени, – отвечали ему, – наше мнение таково, что нам следует выступить к нему и сразиться с ним, и отразить его от нашей страны". – "Готовьтесь к бою", – сказал им царь Тайгамус. И затем он вынул для них кольчуги, латы, шлемы и мечи и всевозможные военные доспехи, которые приносят смерть витязям и губят доблестных мужей, и воины, солдаты и витязи снарядились для боя и подняли знамена и забили в литавры и задули в трубы и застучали в барабаны и засвистели в флейты.

И царь Тайгамус с своими войсками выступил навстречу царю Кафиду, и не переставал царь Тайгамус идти с воинами и солдатами, пока они не приблизились к царю Кафиду. И царь Тайгамус спустился в долину, которая называлась Долина Захрана (а она лежала на краю земли Кабуль), и написал письмо, которое он послал с посланцем из своего войска царю Кафиду, и содержание его было такое: "А после славословия вот о чем мы уведомляем царя Кафида: ты поступил так, как поступают люди из черни, и если бы ты был царем, сыном царя, ты не совершил бы таких поступков, не пришел бы в мою страну, не ограбил бы деньги людей и не учинял бы разврата с моими подданными. Разве не знаешь ты, что все это с твоей стороны насилие, и если бы я знал, что ты дерзнешь против моего царства, я бы пришел к тебе много раньше твоего прихода и не допустил бы тебя в мою страну. Но если ты повернешь назад и прекратишь зло между нами – пусть так и будет, и прекрасно; если же не повернешь, то выступай ко мне в пылу боя и будь тверд передо мной, становясь на сечу и сражение".

И он запечатал письмо и отдал его одному наместнику из своего войска и послал с ним соглядатаев, которые должны были разузнать новости. И этот человек взял письмо и шел с ним, пока не достиг царя Кафида; и, приблизившись к его местопребыванию, она увидел шатры, поставленные вдали, и были они сделаны из гладкого шелка, и увидел он зеленые шелковые знамена и увидел между палатками большую красную шелковую палатку, вокруг которой было много войска. И посланец шел до тех пор, пока не достиг этой палатки, и он спросил про нее, и ему сказали, что это – палатка царя Кафида. И этот человек посмотрел в середину палатки и увидел царя Кафида, который сидел на седалище, украшенном драгоценными камнями, и подле него были везиры и вельможи царства. И, увидев это, посланец показал письмо, держа его в руках, и к нему подошла толпа воинов царя Кафида, и у него взяли письмо и принесли его царю.

И когда царь прочитал письмо и понял его смысл, он написал царю Тайгамусу ответ такого содержания: "А после славословия вот о чем уведомляем мы царя Тайгамуса: Нам непременно нужно отомстить, снять позор, разрушить земли и сорвать завесы, и перебить больших и полонить малых. А завтра я выйду на бой в поле, чтобы показать тебе, как биться и сражаться". И он запечатал письмо и вручил его послу царя Тайгамуса, и тот взял его и пошел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот восемнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Кафид отдал ответ на письмо, которое послал ему царь Тайгамус, его посланному, и тот взял его и отправился обратно. И, придя к царю Тайгамусу, он поцеловал землю меж его рук и отдал ему письмо и рассказал о том, что видел, и сказал: "О царь времени, я видел всадников и витязей и пехотинцев, которых не счесть числом, и не кончается их протяжение". И когда царь Тайгамус прочитал письмо и понял его смысл, он разгневался сильным гневом и приказал своему везиру Айн Зару сесть на коня с тысячей всадников, напасть в полночь на войска царя Кафида, глубоко проникнуть в них и перебить их. И везирь Айн Зар ответил ему: "Слушаю и повинуюсь!" – и затем он сел на коня, вместе с воинами и солдатами, и они поехали в сторону царя Кафида.

А у царя Кафида был везирь, которого звали Гатрафан, и он приказал ему сесть на коня, взять пять тысяч всадников и отправиться с ними к войскам царя Тайгамуса и напасть на них и перебить их. И везирь Гатрафан сел на коня и сделал так, как велел ему царь Кафид. Он поехал с войском в сторону царя Тайгамуса, и они ехали до полуночи, пояса не покрыли половину пути. И вдруг везирь Гатрафан напал на везирия Айн Зару, и люди закричали на людей, и возник между ними великий бой. И они сражались друг с другом до времени утра, и когда наступило утро, войска царя Кафида обратились в бегство и повернули, убегая к нему.

И, увидев это, Царь Кафид разгневался великим гневом и оказал воинам: "Горе вам! Что с вами случилось, что вы потеряли своих витязей?" И воины ответили: "О царь времени, когда везирь Гатрафан сел на коня и мы поехали к царю Тайгамусу, мы ехали до тех пор, пока не наступила полночь, и не проехали половины дороги. И тогда встретил нас Айн Зар, везирь царя Тайгамуса, и приблизился к нам, ведя с собою воинов и витязей, и произошла встреча близ долины Захрана; и не успели мы очнуться, как оказались посреди вражеского войска, и взоры встретились со взорами, и сражались мы в жестоком бою от полуночи до утра, и было убито много народу. И везирь Айн Зар кричал в морду слонам и бил их, и слоны шарахались из-за сильных ударов и топтали всадников и обращались в бегство. И один человек перестал видеть другого, так много летало пыли, и кровь лилась, как бурный поток, и если бы мы не пришли сюда, убегая, нас бы перебили до последнего". И, услышав это" царь Кафид воскликнул: "Да не будет для вас благословенно солнце и пусть разгневется оно на вас великим гневом!"

А везирь Айн Зар вернулся к царю Тайгамусу и рассказал ему обо всем этом, и царь Тайгамус поздравил его с благополучием и обрадовался великою радостью и велел бить в литавры и дуть в трубы. И затем он проверил свое войско, и вдруг оказалось, что убито двести всадников из числа доблестных силачей. Потом царь Кафид приготовил солдат и войска и армии и вышел на поле, и бойцы выстроились ряд за рядом и образовали полных пятнадцать рядов, по десять тысяч всадников в каждом, а с Кафидом было триста богатырей, которые сидели на слонах. И он отобрал витязей и доблестных мужей и поставил знамена и флаги, и забили в литавры и задули в трубы, и выступили витязи, ища сражения.

Что же касается царя Тайгамуса, то он расставил войска ряд за рядом, и оказалось, что их десять рядов, по десять тысяч всадников в каждом ряду, и было у него сто богатырей, которые ехали от лезла справа и слева. И когда ряды построились, выступили вперед все восхваленные воины, и войска сшиблись, и тесен стал простор земли для коней, и ударили в барабаны, и засвистели флейты, и забили в литавры, и задули в трубы. И ревел сигнал, и уши глохли от конского ржания, и кричали люди во весь голод, и сгустилась пыль над их головами, и они сражались от начала дня, пока не наступил мрак, а потом разделились, а воины ушли в свои жилища..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.